

ПРОСИТЕЛЬНИЦЫ

Перевёл с древнегреческого Вланес

ЭФРА

Деметра, Элевсин хранящая! И жрицы,
назначенные в храм заботливой богиней!
Даруйте счастье мне, и милому Тесею,
и жителям Афин, и всей стране Питфея,
где Эфру вырастил в благополучном доме
отец мой и решил, что будет мне супругом
Эгей Пандионид, по Локсиеву слову!
Я помолилась так, увидев дряхлых женщин,
которые, дома аргивские покинув,
с ветвями скорбными к моим коленам пали.
Что за страдалицы! Их сыновья, герои,
у Кадмовых ворот, все семеро, погибли,
старух осиротив. Аргивский царь когда-то,
Адраст, привёл бойцов, чтоб зятю Полинíку,
изгнаннику, добыть Эдипово наследство.
Убитых сыновей, копьём лишённых жизни,
желают матери покрыть сырой землёю,
но власти города, поправ обычай божий,
поднять и погresti не разрешают мёртвых.
О помощи моля, в толпе кричащих женщин
Адраст простёрся ниц, глаза его мерцают
от безутешных слёз, и плачет он по войску,
в несчастнейший поход ушедшему из дома!
Он молит, чтобы я уговорила сына
тела бойцов забрать путём переговоров,
а то и силою, и дать им погребенье,
и нужно, чтобы сын всё это сделал вместе
с афинским городом! Для пахоты успешной
я жертву приношу. В святое это место
из дома я пришла. Тут колос плодоносный
впервые над землёй топорщился когда-то.
Надев чужих ветвей невяжущие узы,
у чистых алтарей и Кору, и Деметры
теперь осталась я, от всей души жалея
бездетных матерей, сединами покрытых,
и уважение к святым венкам питая.
Уж в город побежал гонец мой за Тесеем.
Сын может удалить из царства это горе,
а то и распустить некрепкий узел долга,
свершив обряд богам. Пусть действуют мужчины,
а мудрым женщинам их направлять пристало.

ХОР

Госпожа немолодая,
 дряхлым ртом тебя молю я,
 у колен твоих рыдая!
 Душам наших сыновей ты дай умчаться
 из недвижимых, изуродованных трупов,
 там лежащих скорбной пищей для зверей, с горы сошедших!

Видишь, как у нас на веках
 слёзы жалкие мерцают,
 как морщинистое тело
 ногти рвут! А что мне делать? Не могу я
 положить в родимом доме тело сына,
 не могу и насыпь сделать, обратить глаза к могиле!

Госпожа, сама ты выкормила сына
 и супружеское ложе
 мужу сделала приятным!
 Посочувствуй нам, родная!
 Пожалей нас! Как я мучусь, как страдаю
 по моим убитым детям!
 Убеди, молю я, сына, пусть к Исмену
 милый сходит и нам на руки положит
 мертвецов, прекрасных, юных, там бродящих без могилы!

Не степенно, а принижена бедою
 я тебя молить явилась,
 к алтарям, зовущим пламя!
 Мы на то имеем право,
 ты же силою немалой обладаешь,
 мать героя, ты закончишь
 наше горе! Вся измучена, молю я,
 чтоб меня пустили к сыну, чтобы дали
 обхватить руками тело бездыханного ребёнка!

Ещё один раздался стон, сменяя стон,
 и слуги бьют уже в ладони, вторя нам.
 Придите! Пойте, как мы!
 Придите! Плачьте, как мы!
 Аиду мил танец наш!
 В щёки белые вонзите
 ноготь, окровавьте лица! <Э! Э!>
 Так должен чтить мертвецов живущий!

Меня блаженство ненасытное ведёт,
 блаженство плача! Как с обрывистой скалы
 бегут капли воды,
 мои слёзы текут!
 Своих мёртвых детей
 провожать надрывным плачем

женской свойственно природе. Э! Э!
Встретить бы смерть и забыть о скорби!

ТЕСЕЙ

А!
Что я услышал? Стон? Удары по груди?
То плач о мертвецах доносится из храма
владычиц благостных? От страха я дрожу,
ведь мать уже давно из дома отлучилась!
Боюсь я новости какой-нибудь о ней!
А это что? Кошмар! Вот тема для беседы!
Мать старая моя сидит у алтаря,
а с нею женщины, не наши, так и этак
выказывают скорбь! Из блёклых глаз текут
потoki жалких слёз, пропитывая землю!
Совсем не праздничны их стрижка и наряд!
Что это значит, мать? Рассказывай скорее,
а я послушаю! Вот новость и стряслась!

Эф. Сын, эти женщины на здешний свет родили
военачальников, у врат кадмейских павших,
героев семерых! Молельными ветвями
они меня в кругу, как сам ты видишь, держат!

Тес. А этот человек, стенающий у двери?

Эф. Адраст, мне сказано. Властитель всех аргивцев.

Тес. А что за дети с ним? И чьи они? Вот этих?

Эф. Нет, это сыновья героев убиенных!

Тес. А мы-то тут при чём? Зачем же нас тревожить?

Эф. Я знаю, дорогой. Но пусть они расскажут!

Тес. Эй ты, завёрнутый в несвежую хланиду!

Раскутай голову и хватит убиваться!

Язык пришпоривай! Иначе не поскачешь!

АДРАСТ

Тесей, афинский вождь, победами прекрасный,
внемли моим словам! Услышь и ты, и город!

Тес. За чем ты гонишься? Что надобно тебе?

Адр. Ты знаешь о моём губительном походе?

Тес. Ты не молчал о нём, Элладу проходя!

Адр. Тогда я погубил весь цвет мужей аргивских!

Тес. Обычный результат безжалостной войны.

Адр. Я город умолял о погребеньи мёртвых.

Тес. Свой труд глашатаям Гермеса поручив?

Адр. Но не позволили убийцы это сделать!

Тес. Каков же был ответ на просьбу о благом?

Адр. А как ты думаешь? Успех им стал дурманом!

Тес. И ты явился к нам? Совета захотел?

Адр. Тесей, пойдя, возьми тела сынов аргивских!

Тес. А что же Аргос твой? И чем кичились вы?

Адр. Мы сломлены бедой. К тебе мы припадаем!

Тес. Ты сам решил прийти? Тебя весь город шлёт?

Адр. Вся кровь Данаева за мёртвых умоляет!
 Тес. Зачем же ты повёл на Фивы семь полков?
 Адр. Я двум своим зятьям оказывал услугу.
 Тес. Кому из аргивян ты отдал дочерей?
 Адр. Не с нашим племенем решил я породниться.
 Тес. Неужто чужакам ты дал аргосских жён?
 Адр. Тидей мне зятем стал, с фиванцем Полиником!
 Тес. Зачем же ты решил их в родственники взять?
 Адр. Загадки Фебовы мой разум замутили!
 Тес. Что молвил Аполлон про брак твоих детей?
 Адр. Что нужно дочерей за льва и вепря выдать.
 Тес. И как пророчество ты божье разгадал?
 Адр. Два беженца пришли к моим воротам ночью...
 Тес. Но кто и кто? Скажи! Не делай их одним!
 Адр. Тидей и Полиник вступили в поединок.
 Тес. Как звери? И за них ты отдал дочерей?
 Адр. Я уподобил их дерущимся животным!
 Тес. Зачем же родину оставили они?
 Адр. Тидей покинул дом, покрыт семейной кровью.
 Тес. Ну а Эдипов сын зачем бежал из Фив?
 Адр. Чтоб по словам отца не стать убийцей брата.
 Тес. Он мудро поступил, в изгнание уйдя!
 Адр. Но брат оставшийся нечестен был с ушедшим!
 Тес. Неужто брат забрал все деньги у него?
 Адр. Я стал судьёю им, и был погублен этим!
 Тес. А ты к жрецам ходил? На пламя ты глядел?
 Адр. Подводишь ты меня к моей ошибке худшей!
 Тес. Ты милости богов, как видно, не просил!
 Адр. И, более того, презрел Амфиарая!
 Тес. И ты божественным так просто пренебрёг?
 Адр. Юнцы мне взбили кровь своим бездумным криком!
 Тес. Спеша на зов души, ты разум позабыл.
 Адр. И многие тогда погибли полководцы!
 О, муж отважнейший, один во всей Элладе,
 царь доблестных Афин! Хотя мне, право, стыдно
 упасть на этот пол, обнять твои колени,
 ведь я седой старик, и был царём счастливым,
 но перед бедствием я вынужден смириться!
 Убитых вызволи, помилосердствуй горю,
 ты сжался надо мной, над матерями павших!
 Они бездетными вошли в седую старость,
 и вот отважились прийти сюда, ступая
 по чуждой им земле, с трудом передвигаясь,
 не как посланницы к мистериям Деметры,
 но чтобы погрести сынов своих, которым
 любимых матерей не положить в могилу!
 Разумен и богач, взирающий на бедность,
 и бедный человек, глядящий на богатство,
 к благополучию воспитывая жажду,
 счастливец же пускай на обделённых смотрит,

<благоразумию учась и состраданию>.
 А песнопевец пусть мелодии слагает
 с отрадою в душе, иначе как он сможет,
 обескураженный каким-нибудь несчастьем,
 других порадовать? Болящий петь не вправе.
 Пожалуй, спросишь ты: «Зачем же край Пелопов
 ты стороной прошёл и труд принёс Афинам?»
 По справедливости я так тебе отвечу.
 Спартанский край жесток и нравы там коварны,
 соседи же мои беспомощны, ничтожны.
 Лишь граду твоему посильна эта ноша.
 Он видит бедствия, и юный, благородный
 есть пастырь у него! Да, много царств погибло,
 военачальника такого не имея!

Хор И я к его словам свою мольбу прибавлю.
 Тесей, ты смилуйся над нашею бедою!

Тес. Об этом я уже с другими много спорил.
 Сказали как-то мне, что в жребии людском
 преобладает скорбь, а счастья не хватает.
 Но я привык считать как раз наоборот,
 что больше в нас добра, негодного же меньше,
 в противном случае мы жить бы не смогли.
 Хвалю я божество, которое из вихря
 звероподобных форм сумело нас извлечь,
 сперва нам разум дав, потом язык добавив,
 чтоб внятно говорить и понимать других,
 и урожай растить, и знать, как дождь небесный
 плоды обильные влечёт из-под земли,
 питая нашу плоть. К тому же и защиту
 бог дал нам и зимой, и в летнюю жару,
 и знанье кораблей, чтоб мы вели торговлю
 и привозили то, чем беден край родной.
 А что неясно нам, что мы не постигаем,
 жрецы нам объяснят, взирая на огонь,
 на складки потрохов, на птиц, летящих в небе.
 Не спесь ли страшная – не обходиться тем,
 что бог нам даровал для обустройства жизни?
 Но гордость учит нас, что бога мы властней,
 высокомерие наш разум застигает,
 и каждый мнит себя мудрее высших сил!
 К числу таких и ты относишься, немудро
 по слову Фебову отдавший чужакам
 любимых дочерей. Сравнив себя с богами,
 ты дом изранил свой и скверну подмешал
 в неосквернённый род! Но человек разумный
 здоровые тела с больными не кладёт,
 в свой дом приводит он друзей благополучных,
 поскольку две судьбы считает бог одной
 и губит бедами двоих одновременно,
 и греховодника, и чистого душой!

Притом, когда в поход повёл ты всех аргивцев
и предсказания своих жрецов презрел,
ты оскорбил богов и погубил свой город,
послушавшись юнцов, желающих наград
и разжигающих несправедную бойню
на горе гражданам, один – чтоб стать вождём,
другой – чтоб наглостью урвать побольше власти,
а третий – выгоды, не думая ничуть
о большинстве людей, страдающих за это!
Три рода граждан есть. Во-первых, богачи,
никчёмный класс людей, наживою живущий,
затем есть нищие, лишённые всего,
весьма опасные, ведь ими правит зависть,
и богачей они безжалостно язвят,
наслушавшись речей ораторов негодных.
Из этих трёх родов лишь тот, что посреди,
спасает города и свято чтит законы.
И как могу я стать союзником твоим?
Какие доводы я гражданам представлю?
Ступай и будь здоров! Бездумно поступив,
нас не придавливай несчастьями своими!
Юнцы себя вели, как свойственно юнцам.
Его же ты прости. Ошибся он, бедняга!
Но мы к тебе пришли, целитель наш и вождь!
Я не судьбу в тебе искал моих проступков
и, если я и впрямь не благо сделал, вождь,
то не каратель мне, не обвинитель нужен.
Я помощи прошу. Не хочешь мне помочь,
так с этим я смирюсь. А что ещё мне делать?
Пойдём, старухи, прочь! Оставьте ветви здесь,
серо-зелёные, увенчанные шерстью!
Свидетели у нас и боги, и земля,
и огненная Деметра, и свет солнца,
что здесь не действуют молитвы божествам!

Хор

Адр.

Хор

<Тесей, ты Эфры сын, которой дал рожденье>
Пелопов сын, Питфей! Мы через край Пелопа
с тобою связаны одноприродной кровью!
Ты что? Предашь родство и выдворишь из царства
старух-просительниц? Ты в должном им откажешь?
Не делай этого! Дана пещера зверю,
рабу – алтарь богов, а в бурю жмётся город
к другому городу! Нет в жизни человечьей
неистощимого, негаснущего счастья!

Что же, бедняжка! Пойдём из священных палат Персефоны!
Что же, к нему припадём и колени руками обхватим,
чтоб сыновей он принёс убиенных! О, горе мне, бедной!
Юных моих сыновей, под стенами кадмейскими павших!
Горе! Берите меня, несите, ведите, разожмите

бедные дряхлые руки!
 Светоч Эллады! Мой друг! Я к твоей бороде прикасаюсь!
 Руку целую твою! Обнимаю колено, рыдая!
 Смилуйся ты надо мной! Я молю за детей, я блуждаю,
 жалкую, жалкую песнь напевая!
 Ты не бросай их, дитя, в царстве Кадма зверям на забаву,
 юных, цветущих, как ты! Я тебя, дорогой, умоляю!
 Видишь, как слёзы мои набухают в глазах! За колени
 ныне хватаюсь твои! Ты устрой сыновьям погребенье!

- Тес. Чего ты плачешь, мать, держа перед глазами
 накидку тонкую? Расстроена ты стоном
 несчастных женщин, да? Меня он тоже пронял.
 Седую голову ты подними. Не надо
 святой алтарь Део забрызгивать слезами!
- Эф. Ай-ай! Тес. Ты не должна стенать от их несчастий!
- Эф. Бедняжки вы мои! Тес. Ты к ним себя не числи!
- Эф. А хочешь мой совет и городу, и сыну?
- Тес. Хочу. И слабый пол порой силён мозгами.
- Эф. Речь, скрытая во мне, уста мои сжимает!
- Тес. Позорно от друзей совет хороший прятать!
- Эф. Не буду я молчать! Винить я не желаю
 потом себя за то, что уст не разомкнула,
 что побоялась я невыгодной для женщин
 свободы языка, что страх осилил благо!
 Сначала, милый мой, божественный обычай
 прошу я уважать, чтоб ты не впал в бесчестье.
 Ты в этом лишь неправ, а в остальном разумен.
 К тому же, если б ты на помощь притеснённым
 не должен был идти, я просто бы смолчала.
 Но ныне ты пойми, какую честь обрящешь,
 и уговаривать мне, сын, тебя не страшно,
 когда преступников, не уделивших мёртвым
 земли на кладбище, обрядов похоронных,
 к тому ты вынудишь и укротишь злодеев,
 не выполняющих законы всей Эллады!
 Сообщества людей живут, не распадаясь,
 лишь тем, что граждане законы соблюдают!
 Ведь скажет кто-нибудь, что ты по малодушью
 не дал своей стране стяжать венец преславный,
 что испугался ты, что в битву с диким вепрем
 ты смог-таки вступить и мерзкий труд окончить,
 но, шлемы увидав и ряд преострых копий,
 пойти на них не смог и оказался трусом!
 Ты мною ведь рождён! Сынок, ты так не делай!
 Когда насмешники твой город упрекают
 за опрометчивость, ты видишь, как сурово
 на них взирает он? В трудах отчизна крепнет!
 У тех из городов, что молча в тень ложатся,
 от страха и глаза зашторены, как тенью!

Погибшим воинам и женщинам несчастным
 неужто, мой родной, ты не придёшь на помощь?
 Я не боюсь ничуть! С тобою справедливость,
 и я уверена, смотря, как люд Кадмейский
 теперь блаженствует, что упадёт иначе
 их кость игральная! Бог всё вернёт на место!

Хор Дражайшая моя! Как славно ты сказала,
 служа ему и нам! Двойное утешенье!

Тес. Мать, все мои слова касаются, конечно,
 его лишь одного и тех его решений,
 которые его в ничтожество повергли.
 И сам я вижу смысл в твоих увещеваньях,
 тем более что мне противно по природе
 бежать опасности. Свершив уже немало
 деяний доблестных, я показал Элладе,
 что я могу карать бесовестных злодеев,
 и свой достойный труд бросать я не намерен!
 Что скажут обо мне враждебные мне люди,
 когда родная мать, пусть и боясь за сына,
 сама на этот труд велит мне отправляться?
 Я это сделаю! Пойду и веской речью
 тех мёртвых вызволю! А если нет, пусть речи
 ведёт моё копьё! Нас боги не осудят!
 Но нужно, чтоб народ связал своё желанье
 с моим желанием. Дав слово горожанам,
 я их согласию сумею заручиться.
 Бразды правления вручил я сам народу,
 освободив его и сделав равноправным.
 Пойду в собрание и приведу Адраста
 в моё свидетельство. Поддержанный народом,
 отборных юношей я соберу афинских
 и вновь приду сюда. У гор оружия сидя,
 Креонту напишу, чтоб он мне отдал мёртвых.
 Старухи, а теперь вы с матери снимите
 венки священные! Держа любимый локоть,
 я отведу её в Эгеевы покои.
 Свой долг прекраснейший родителям не платит
 лишь подлый человек! А мы с детей получим
 то, что родителям когда-то заплатили!

Хор Кормилец лошадей! О, Аргос! Отчий край!
 Слышал, слышал ты, что царь
 так праведно сказал богам?
 Вот вам величие, Пеласгия, Аргос!

Пусть он беду мою пройдёт и перейдёт,
 пусть он матери вернёт
 любимый дар, кровавый дар
 и другом сделает своим край Инахов!

Венец для городов – благочестивый труд!
Сияет он славой вечной!
Что город повелит? Он жертвой наш союз
почтит ли? Даст ли погresti убиенных?

Вступишь, вступишь за мать, Паллады славный град!
Не дай чернить нравы смертных!
Ты любишь праведность, не смотришь на порок
и заступаешься всегда за несчастных!

Тес. Ты мастерством своим служил так много раз
и городу, и мне, нося повсюду вести.
Теперь ты перейдёшь Асоп, затем Исмен
и скажешь гордому правителю кадмейцев:
«Тесею разреши забрать и погresti
убитых воинов, исполнить долг соседа
и всех Эрехтеид к тебе расположить.»
Согласье получив, прославь их доброй речью
и возвратись назад. А если нет, скажи:
«Тогда вам ждать гостей, весёлых, со щитами!
Всё воинство моё собралось у святых
струй Каллихоровых, в порядке безупречном.
Мой город и готов, и рад пойти на бой,
поскольку видит он, что я того желаю.»
А! Кто это вошёл, слова мои прервав?
Кадмейский, кажется, хотя не скажешь точно,
глашатай. погоди! Быть может, он тебя
избавит от забот, предвосхитив посольство.

ГЛАШАТАЙ

Кто главный здесь? Кто царь? Кому я возвещу
слова Креонтовы? Он правит нашим царством
с тех пор, как Этеокл у семиустых врат
был братом умерщвлён, могучим Полиником!

Тес. Ты начал речь свою неправильно, пришлец,
справляясь о царе. У нас тут город вольный,
и самовластием никто не облечён.
А правят граждане, сменяясь ежегодно,
и преимущества богатство не даёт,
но бедный человек власть равную имеет.

Гл. Ты фору нам даёшь, как в шашечной игре!
Я послан городом, в котором есть правитель
один-единственный, а не толпа людей.
Никто у нас толпу туда-сюда не тянет
речами льстивыми для выгоды своей,
не разливают мёд, на чувствах не играет,
а после не вредит и новой клеветой
не кроет старую, спасаясь от возмездья.
Мне знать хотелось бы, как может ваш народ,
свой ум не отточив, успешно царством править?

Лишь время учит нас и лучше, и ловчей
любой поспешности. Пусть даже пахарь бедный
глупцом и не рождён, ему не хватит сил
и труд свой выполнять, и царством заниматься.
Для развитых людей губительно, когда
подлец какой-нибудь, вчера ещё безвестный,
морочит весь народ елейным языком!

Тес. Глашатай, ты хорош. И языкаст, и склочен.
Ты в спор ввязался сам. А коли так, послушай,
что я тебе скажу, герой боёв словесных!
Для города тиран – страшнейшее из бедствий.
Во-первых, оттого, что нет законов общих,
но некий человек, себя законом сделал,
присваивает власть и душит равноправье.
Когда записаны законы, то и слабый,
и сильный человек имеют равный голос,
и можно слабому произнести о сильном
такие же слова, какие сам он слышит,
и победить его, борясь за справедливость.
Свобода, вот она: «Кто высказать желает
закон какой-нибудь, для города полезный?»
Ты хочешь? Честь тебе. Не хочешь? Стой и слушай.
Есть разве большее на свете равноправье?
Пойми, когда народ страной повелевает,
гордится он своей способной молодёжью,
а царь её себе враждебной полагает
и убивает всех, кто знатен и разумен,
боясь, как бы они не завладели властью!
Как может город быть могущественным, если
всех смелых юношей, как на лугу весеннем
тугие колоски, срываешь и срезаешь?
Зачем давать успех, дарить богатство детям,
чтобы трудом своим украсить жизнь тирана?
Зачем и дочерей растить прилично в доме,
чтоб царь их пользовал, как только пожелает,
а ты ревмя ревел? Я лучше в землю лягу,
чем дочерей своих насильно выдам замуж!
Я так твои слова парирую, любезный!
И вообще зачем пришёл ты в эту землю?
Рыдал бы ты сейчас, когда бы не был послан
к нам городом своим! Зарвался ты. Посланник
обязан весть свою сказать и убираться
домой! И пусть Креонт не посылает больше
в мои владения такого пустозвона!

Хор. Ах, небо! Если бог балует негодяя,
тот распускается и мнит удачу вечной!

Гл. Я с речью и пришёл, а этот спор закончим.
Давай останемся при собственных сужденьях.
И я, и весь народ кадмейский запрещаем
тебе в свою страну давать Адрасту доступ,

а если доступ дан, то пред закатом божьим
 сорвать и расплести венки священных таинств,
 и выгнать прочь его! И брать не думай силой
 те трупы! Ты никто в аргосском государстве!
 Исполнив наш приказ, ты уведёшь от бури
 корабль своей страны! Иначе смерчем битвы
 своих союзников, себя и нас закрутишь!
 Подумай обо всём. Не отвечай надменно,
 так называемой свободы покровитель.
 Не нужно тут махать короткими руками.
 Надежда вечно лжёт и к бездне увлекает,
 сшибает города во гневе исступлённом.
 Ведь если за войну народ проголосует,
 никто не думает, что смерть его настигнет,
 считая, что другой пойдёт на встречу с нею.
 Когда бы помнили о смерти, голоса,
 Эллада никогда с ума бы не сходила.
 Мы знаем всё-таки, что лучше, а что хуже.
 Все люди чувствуют, насколько мир прекрасней
 и самых славных войн, как он полезен смертным.
 Во-первых, Музам он необычайно дорог,
 а Пэнам тягостен. Он благосклонен к детям,
 рад изобилию. А мы, такие блага
 презрев, несёмся в бой, всем племенем на племя,
 страну на страну, и в рабство гоним слабых!
 Ты нашим недругам и мёртвым помогаешь?
 Их всех убила спесь! Ты в землю их положишь?
 Видать, неправильно, что, молнией сражённый,
 дымится Капаней? Он лестницу приставил
 к воротам городским и клялся выжечь город,
 хоть волей божества, хоть против божьей воли!
 Выходит, что земля напрасно поглотила
 птицегадателя с его четвёркой конной?
 И зря вокруг ворот валяются лохаги,
 чьи головы по швам разможжены камнями?
 Ты склонен полагать, что ты умнее Зевса?
 А, может, поделом злодеев губят боги?
 Кто мудрый, тот пускай детей сначала любит,
 потом родителей, потом свой край, желая
 им счастья, а не бед! Опасен вождь ретивый
 и кормчий молодой. Мудрец собой владеет.
 Предусмотрительность – вот истинная храбрость.

Хор

Их Зевс уж наказал, и этого довольно!

А вам не стоило над ними издеваться!

Адр.

Негодная ты тварь! Тес. Молчи, Адраст! Не надо перебивать меня угрозами своими!

Он не к тебе пришёл и не с тобой вёл речи,

он послан был ко мне, и мне с ним разбираться!

Отвечу я тебе сначала, по порядку.

Я вроде не ходил Креонту в услуженье,

и он не так могуч, чтоб заставляя Афины
 плясать вокруг него. Весь мир перевернётся,
 когда нам вдруг начнут указывать, что делать.
 Военный тот поход совсем не я задумал,
 и в землю Кадмову не я водил отряды,
 но мёртвых воинов, не притесняя город,
 не затевая дел, в которых гибнут люди,
 нам нужно погresti, тем самым соблюдая
 закон Эллады всей! Чего же тут плохого?
 И если вы и впрямь страдали от аргивцев,
 то все они мертвы! Вы храбро отразили
 врага, на стыд ему! Свершилось правосудье!
 Так дайте мертвецам сырой землёй укрыться,
 пусть каждый элемент, откуда вышел к свету,
 туда и отойдёт, дыхание к эфиру,
 а тело в глубь земли! Мы телом не владеем,
 оно даётся нам пожить в нём краткой жизнью
 и вновь земле вернуть, на свет нас породившей.
 Вам кажется, что вы, не погребая мёртвых,
 вредите Аргосу? Нисколько! Всей Элладе
 вредит, кто мертвецам отказывает в должном,
 их бросив без могил! Такой обычай может
 испортить храбрецов и переплавить в трусов!
 И ты ко мне пришёл, угрозы мне бросая,
 когда боитесь вы дать мёртвым погребенье?
 Что будет? Из гробов они ваш город славный
 подроят как-нибудь? А то в земных глубинах
 потомство народят, и вас оно накажет?
 Всё это болтовня и языка изгибы,
 пустые ужасы, раздутые страдания!
 Глупцы, поймите же, как люди горемычны!
 Жизнь – серия боёв. Тому везёт сегодня,
 тот завтра победит, а тот кичится прошлым.
 Капризно божество, и человек несчастный
 льстит, молится ему, надеясь на удачу!
 Богатый же, боясь, что ветер вспять подует,
 взывает к небесам. Всё это понимая,
 умеренному злу не нужно вторить гневом
 и город свой губить бесчестными делами.
 Что будет? Говори! Вы мёртвых отдадите,
 чтоб мы их погребли, воздать им честь желая?
 Смотрите, я приду и сделаю всё силой!
 Не скажут эллины о вековом законе,
 что в град Пандиона явился он с мольбою
 и был отвергнут мной, и был здесь уничтожен!

Хор

Гл.

Тес.

Гл.

- Тес. Ах так? Изволь и ты слова мои послушать!
- Гл. Изволю. Отвечай! На то и очерёдность.
- Тес. Я мёртвых погребу! Не быть им у Асопа!
- Гл. Сначала со щитом начнёшь ты упражненье!
- Тес. Я многие дела и начал, и закончил!
- Гл. Тебя отец родил, чтоб ты на всех бросался?
- Тес. На всех злодеев? Да! А добрых мы не тронем!
- Гл. Везде ты лезть привык. И город твой такой же.
- Тес. Во многих подвигах он много счастья знает!
- Гл. Вперёд! Вас бросит в пыль посеянное войско!
- Тес. Как огненный Арёс рождается от дракона?
- Гл. Узнай во зло себе! Ещё ты слишком зелен!
- Тес. Меня не доведёшь до белого каленья подобной болтовнёй. Покинь же нашу землю и забери домой свои пустые речи. Наш спор бессмысленен. Пора прийти в движенье гоплитам и бойцам, стоящим в колесницах! Пусть кони, капая на сбрую белой пеной, несутся во всю прыть в кадмейские пределы! Я отправляюсь в путь, к семи вратам кадмейским и воином, в руках металл держащим острый, и вестником войны! Тебе, Адраст, остаться приказываю я. Свою судьбу с моею не надо смешивать. Я с помощью бессмертных отряды поведу! Бой новый, подвиг новый! Мне нужно лишь одно – чтоб правдолюбцы-боги со мной в поход пошли! Союзники такие дают победу нам! Вся доблесть бесполезна, когда на смертных нет благословенья бога!
- Хор – Матери бедственные бедственных лохагов!
Как бледный страх мне теперь печень разъедает!
- Какие новости ты хочешь сообщить?
- Как рать Паллады поведёт себя в бою?
- Чего ты ждёшь? Метанья копий или слов?
- Дай бог, чтоб слов! Но если мёртвые тела, звон битв и эхо кулаков, стучащих в грудь, наполнят город, как мне быть?
Что скажут люди обо мне? Ведь это всё моя вина!
- Тех же, кто счастьем блеснит, может рок низвергнуть.
Дерзкая эта мечта мной овладевает!
- Ты говоришь о справедливых божествах!
- А есть другие, что заведуют судьбой?
- Я вижу, боги к нам изменчивы всегда!
- Страх пережитого тебя ещё гнетёт.
На правду есть другая правда, смерть на смерть!
Отдохновение от бед шлют боги смертным, и всему дают положенный конец.

- Войти бы в круг прекрасобашенных равнин,
покинув этот ключ богинин, Каллихор!
- Ах, если б крылья дал тебе какой-то бог,
чтоб ты смогла в двуречный город полететь,
увидеть всех друзей,
увидеть их судьбу!
- Что за жребий, что за участь
ждёт царя пределов этих,
славного героя?

- Мы снова к возванным взываем божествам!
Людские страхи верят им сильней всего!
- О Зевс, родивший с нашей матерью дитя,
с телицей, дочерью Инаха молодой!
Союзником благим
возри на этот град!
- Положи в огонь прощальный
радость и твердыню царства,
попранную нагло!

ВЕСТНИК

- Пришёл я, женщины, с известьями благими!
Я сам остался жив (хоть и пленённый в битве,
где семеро вождей, отдавших жизнь свою,
сражались доблестно у самых струй диркейских),
и я принёс вам весть – разгромлен враг Тисеем!
Не буду вас томить. Я Капанеев раб,
хозяин мой сгорел от молнии Зевеса!
- Хор О, друг возлюбленный! Ты возвестил прекрасно
и собственный приход, и то, что жив Тесей!
- Вест. А полк афинский цел? Тогда и весть бесценна!
Он цел и сделал то, что сам Адраст бы сделал,
когда в кадмейский край аргосские войска
от струй Инаховых привёл для жаркой битвы!
- Хор А как Эгеев сын трофеей поставил Зевсу,
а с ним и воины, сломившие врага?
- Вест. Скажи! Ты, бывший там, порадуй тех, кто не был!
Луч солнца золотой, наш верный предводитель,
на землю ниспадал. Взобравшись на врата
Электры, я стоял, всё с башни озирая.
Гляжу, надвинулись на стены три отряда,
гремя оружием, растягиваясь вверх
к исменскому холму, как он теперь зовётся.
Сначала шёл их вождь, великий сын Эгея,
а справа от него построили крыло
потомки Кéкропа, народ земель древнейших.
Там был и сам Парáл, с копьём своим идущий
у струй Аресовых, там конные войска
крепили армию и с флангов замыкали.
Я видел столько же и колесниц проворных

под Амфионовой гробницею святой.
 Потомки Кадмовы пред стенами стояли,
 загородив тела, причину этой битвы.
 И вот уж всадники на всадников глядят,
 на колесницы четверные колесницы.
 Тесею посланный, воскликнул тут глашатай:
 «Молчите, воины! Кадмейцы, тишина!
 Послушайте меня! За мёртвыми пришли мы!
 Хотим их погresti, почтить закон Элладский!
 Мы здесь не для того, чтоб жечь и убивать!»
 Креонт же ничего на это не ответил,
 и, сжав копьё, сидел. Тогда уже возницы
 пустили на врага четвёрки лошадей.
 Два ряда колесниц пронизали друг друга,
 неся своих бойцов за цепи острых копий.
 Мечами бились те, возницы же назад
 направили коней, за новыми бойцами.
 Форбант, вождь всадников эрехтеидских, видя
 смешенье колесниц, метнулся на врага,
 руководившего всей конной силой Кадма,
 и сшиблись воины, губя и погибая.
 Я вам передаю не чьи-нибудь слова
 (сам видел я бойцов, летящих в колесницах).
 Не знаю я, с чего начать повествованье
 о скорбных тех делах. Сказать ли мне, как пыль
 клубами тяжкими вздымалась к небосводу,
 как трупы дёргались, обмотаны вожжами,
 взлетая, падая, как растекалась кровь
 бойцов, и рухнувших, и кувырком летящих
 с разбитых колесниц, чтоб там, среди обломков,
 лежащих на земле, навек сомкнуть глаза?
 Бояться стал Креонт, что неприятель конный
 сомнёт его ряды. Щит ивовый схватил он
 и побежал взбодрить соратников своих.
 Но промедлением Тесей не портил дела,
 он бросился вперёд, оружием блистая!
 И сшиблись армии в один бурлящий ком,
 разя и падая! Бойцы один другому
 приказы краткие передавали криком:
 «Руби!» «Копьё вперёд! Коли Эрехтеид!»
 Герои дерзкие, ростки зубов драконьих,
 сражались доблестно и начали немного
 сминать наш левый фланг, но правый наш подмял
 их с левой стороны, и выровнялась битва.
 Был полководец ваш любых похвал достоин!
 Не успокоен тем, что согнут вражий фланг,
 он побежал к бойцам, под натиском слабевшим,
 и закричал им так, что загудело поле:
 «Друзья, не удержав железное копьё
 людей посеянных, Паллада проиграет!»

Тогда воспрянула вся рать сынов Краная,
а сам он, булаву дубовую схватив,
которую привёз из Эпидавра, начал
крушить во все концы, ломая шлемы, шеи,
как будто скашивал обильный урожай!
Враг дрогнул, побежал, едва-едва спасаясь.
Я громко закричал, я заплясал, захопал,
а враг с натугою к воротам отступал!
Весь город зазвенел стенанием и плачем.
Бегут и стар, и млад, скрываются во храмах,
дрожа от ужаса! Но дальше стен Тесей
пойти не захотел, сказав, что он не грабить,
не жечь сюда пришёл, но требовать погибших!
Такому бы всегда водить в поход войска,
кто доблестно идёт опасности навстречу
и губит наглецов, везеньем ослепленных
и жадно лезущих по лестнице наверх,
губя то доброе, что им дано для счастья!

Хор Я вижу этот день, прекрасный и неожиданный,
и верую в богов, и думаю, что меньше
мне выпало беды, чем сломленным злодеям!

Адр. О Зевс! Зачем же нас, многострадальных смертных,
считают умными? Мы от тебя зависим
и делаем лишь то, что сам ты пожелаешь!
Считали Аргос мы непобедимым градом,
нас было полчище, вооружённых, юных!
Когда же Этеокл просил о примиреньи,
разумном для всех нас, мы отказались чванно
и кару понесли. Но, счастьем окрылённый,
как нищий, невзначай наживший состоянье,
стал слишком горделив, и от гордыни рухнул
кадмейский глупый род! Порожние людишки,
вы тянете свой лук, стреляя выше цели,
и вы заслуженно страдаете, внимая
не тем, кто любит вас, но ветру обстоятельств!
Вам тоже, города, не развернуться в беге,
чтоб словом, не мечом заканчивать раздоры!
К чему мои слова? Я разузнать желаю,
как смерти ты избег. Потом спрошу о прочем.

Вест. Когда по городу бежали волны страха,
я вышел из ворот, куда входило войско.

Адр. Забрали вы тела, причину этой битвы?

Вест. Да, с нами все вожди прославленных отрядов.

Адр. Вожди, ты говоришь? А что же с остальными?

Вест. Мы всех их погребли в долинах Киферона.

Адр. С той, с этой стороны? Кто клал тела в могилу?

Вест. Тесей их перенёс под сень Элевтериды.

Адр. Где вы оставили непогребённых мёртвых?

Вест. Тут рядом. Все дела почти уж завершились.

Адр. А слуги плакали, неся тела убитых?

Вест. Мы к делу этому рабов не привлекали.
 <Адр. Ты правду говоришь? Тесей так благороден?>
 Вест. Ты мог бы так сказать, смотря, как чтит он мёртвых.
 Адр. Он правда сам омыл зияющие раны?
 Вест. И дроги развернул, и всех накрыл коврами!
 Адр. Заняты страшное. Позорное к тому же!
 Вест. Какой же тут позор, страдать бедою ближних?
 Адр. Ах, как бы я хотел погибнуть вместе с ними!
 Вест. Не убивайся так! Не мучай этих женщин!
 Адр. Они теперь мои учительницы скорби.
 Пойду тела встречать, воздну руки к небу,
 слезоточивую мелодию Аида
 из сердца изолью, привет друзьям погибшим,
 несчастный, серый плач! Лишь одного нам, смертным,
 нельзя вернуть назад, когда его растратишь –
 тепло своей души. А деньги возвратятся.

Хор Сколько счастья и сколько слёз!
 И городу, и всем вождям
 такая слава на войне,
 двойная от победы честь!
 Но для меня увидеть мёртвых сыновей –
 и боль, и радость... если я увижу их...
 Какой неожиданный, чудный день,
 какая чёрная, бездонная печаль!

Седовласый родитель дней,
 суровый Хронос, дал бы мне
 всю жизнь в безбрачии прожить!
 Зачем рожала я детей?
 Да разве мучилась бы я ещё сильнее,
 когда решила бы избежать брачных уз?
 Теперь во мне зияет скорбь,
 утрата вечная любимых сыновей!

Но я вижу детей моих бедных,
 сыновей бездыханных, любимых!
 Я бы тоже погибнуть хотела
 и спуститься в чертоги Аида!

Адр. Вы, матери, издайте стон
 о мёртвых, спящих под землёй!
 Вы вторьте, вторьте плачу сердца моего,
 внимайте горечи моей!

Хор Ах, сыновья! Госкливыи крик
 из уст родимых матерей!
 Мой мёртвый ребёнок, слушай!

Адр. Ах, боже мой! Хор Что за беда со мной стряслась!
 <Адр.> Ай-ай! <Хор Ай-ай! Как мы раздавлены судьбой!>
 Адр. Мы вынесли... <Хор> ...такое зло, такую боль!

- Адр. Аргивский град, мою беду ты видишь ли?
Хор Да-да! Он видит и меня,
оставшуюся без детей!
- Адр. Несите бедные тела,
смотрите, как алеет кровь
достойных, павших в прах от недостойных рук
и смертью завершивших бой!
- Хор Ах, дайте нам тела детей,
нам хочется к груди прижать,
руками обнять любимых!
- Адр. Бери! Бери! Хор Беру всю боль, что унесу!
Адр. Ай-ай! <Хор> Теперь горюешь ты о матерях?
Адр. Послушайте! Хор О нас ты плачешь – и о них!
Адр. Зачем не брошен я копьём кадмейским в прах?
Хор Зачем я с мужем дорогим
на ложе брачное легла?
- Адр. Смотрите же в пучину бед, о матери
несчастных детей!
- Хор Ногтями острыми себе мы лица рвём!
На голову мы сыплем прах!
- Адр. Ах, горе мне, горе!
Пусть поглотит меня земля,
пусть буря разорвёт меня,
пусть пламя Зевсово мне голову пробьёт!
- Хор Ты браки горькие видал,
мысль Феба горькую познал!
Эриния покинула Эдипов дом
и в нашу дверь, стена горестно, вошла!
- Тес. Хотелось мне спросить, когда ты перед войском
со дна своей души вычерпывал страданья,
но я тогда смолчал. Адраст, ответь мне ныне.
Как эти воины такой почёт снискали
своею доблестью? Не прячь благое знание
от граждан молодых! Тебе ведь всё известно!
Следы их подвигов при городской осаде
я видел, и о них словами не расскажешь.
Я не задам тебе, чтоб не смеялись люди,
единственный вопрос: кто с кем сошёлся в битве,
и кто метнул копье, пробившее доспехи?
Ни слушателям нет в подобных баснях пользы,
и ни рассказчику. Стоял он в гуще боя
в ушах его был звон, в глазах лавина копий,
откуда знать ему, кто в битве отличился?
Я лично не могу ни спрашивать об этом,
ни верить смельчаку, вещающему гладко.
Боец едва-едва заметить успевает
необходимое, вступая в толщу вражью.

Адр. Так выслушай меня. Ты дал мне труд приятный,
и я воздам хвалу друзьям своим охотно,
по справедливости, согласно высшей правде!
Ты видишь молнией сражённого героя?
Да, это Капаней! Рождён в большом богатстве,
он не кичился им, и был по складу мыслей
не прихотливее, чем бедный горожанин.
Он сторонился тех, кто чванился пирами,
кто скромность презирал. Не тугостью желудка
он благо измерял, но сдержанным довольством.
Он равно чтит друзей, когда те были рядом
и пропадали с глаз. Таких, как он, немного.
Не лгал он отроду, в беседе был приветлив
и всё, что обещал семье и горожанам,
прилежно выполнял. Вторым похвален будет
герой наш Этеокл, иначе одарённый.
Он молод был ещё, и, хоть лишён богатства,
почтенье вызывал во всей земле аргивской.
Он золото друзей, подарок их нередкий,
домой не приносил, чтоб не надеть на шею
ярмо невольника, добытое за деньги.
Он лишь преступников, не город ненавидел,
нельзя ведь осуждать и крыть страну позором,
когда правители трусливы и бездарны!
А третий наш герой Гиппомедонтом звался.
Он с детства самого нашёл в себе решимость
отринуть сладость муз и женственную негу.
Он жил один, в полях, и твёрдою рукою
валял себя в бойца, охотой занимался,
любил и лошадей, и натяженье лука,
желая сильным стать и городу полезным.
А вот Парфенопей, рождённый Аталантой,
лихой охотницей. Каким он был прекрасным!
Он из Аркадии пришёл к струям Инаха
и вырос в Аргосе. Когда он стал мужчиной,
то, как положено у нас переселенцам,
не доставлял хлопот, не вызвал неприязни,
не стал и спорщиком, который всем противен,
будь он хоть гражданин, хоть человек приезжий.
Он встал в ряды бойцов, как истый аргивянин,
и защищал страну! И радость, и несчастье
делил он с городом, ликуя и печалась.
Друг множества мужчин, любовник многих женщин,
он сладострастным был, но избегал распутства.
Тидея восхваляю немногими словами.
В речах он не сиял, зато владел отменно
софистикой щита, учась на поле брани.
Умом он отставал от брата, Мелеагра,
но равным был ему в искусстве рукопашном,
и щит его звучал размеренным аккордом.

Душой он был богат, не чужд и честолюбья,
но отдавал словам не столько, сколько делу.
Услышав речь мою, Тесей, не удивляйся,
что эти храбрецы под башнями погибли.
Воспитанный в добре не может жить позорно,
и всякий человек, в себе взрастивший благо,
стыдится трусом быть. А мужеству, конечно,
возможно научить, как учится ребёнок
со слуха повторять слова науки новой.
Всё, что мы выучим, в себе мы сохраняем
до самой старости. Детей в добре растите!

Хор Мой мальчик милый, на беду
тебя носила в чреве я
и умирала в схватках родовых!
Сорвался и упал в Аид
с таким трудом возвращённый плод!
Нет больше в старости кормильца у меня,
но был ведь у несчастной сын!

Тес. А сына Эклова, потомка древней крови,
с четвёркой лошадей в земле укрыли боги,
на славу вечную его благословляя!
Ещё есть Полиник, достойный сын Эдипа.
Воздав ему хвалу, никто не ошибётся.
Он гостем был моим, пока по доброй воле
из града Кадмова не перебрался в Аргос.
А знаешь, что тебе с телами нужно сделать?

Адр. Я знаю лишь одно, что я тебе послушен.
Тес. Пусть будет Капаней, принявший пламя Зевса...
Адр. ... отдельно погребён, как труп, навек священный?
Тес. Всё так. А остальных мы на костёр положим.
Адр. Но где же мёртвому ты памятник поставишь?
Тес. У храма этого. Надгробие из камня.
Адр. Теперь, наверное, начнут работать слуги?
Тес. Нет, мы всё сделаем. Пускай уносят мёртвых!
Адр. Эй, матери! Сюда! Скорей с детьми прощайтесь!
Тес. Так не пойдёт, Адраст. Не дело ты задумал.
Адр. Ты что? Ты матерям не дашь детей коснуться?
Тес. Такого зрелища не вынести несчастным.
Адр. Да, горек вид и ран, и этой чёрной крови.
Тес. Зачем же матерям смотреть и убиваться?
Адр. Победа за тобой. Вы стойте и крепитесь.
Тесей, конечно, прав. Когда огонь погаснет,
вы прах обнимете. Ах, бедные вы люди!
Зачем вы копьями пронзаете друг друга?
Довольно! Хватит вам! Бросайте это дело!
Поддерживайте мир и в городе, и в мире!
Жизнь наша коротка. Легко её живите,
трусами скорбными не отягчайте душу!

Хор

Больше нет у меня детей,
 дорогих сыновей моих,
 нет мне счастья среди женщин Аргоса!
 Прочь Артемида глядит,
 бездетным не благоволит!
 Ах, постылая жизнь!
 С дуновеньем хладных ветров,
 словно облако, я блуждаю!

Семь несчастнейших матерей,
 семерых сыновей родив,
 дали лучших героев Аргосу!
 Видно, бездетной, одной,
 мне страшную старость встречать!
 Я ещё не мертва,
 но меня не считайте живой,
 суждена мне судьба иная!

Только слёзы остались мне,
 дома храню я, как память,
 вещи мёртвого: прядь волос
 погребальную, без венка,
 чашу вина, мёртвым возлить,
 песни, чтоб спеть, хоть Аполлон
 златом кудрей им не кивнёт.
 Плачем встречай буду рассвет,
 горькой слезой смачивать грудь
 и помятый мой пеплос.

Но я вижу священное место,
 погребальный приют Капанея,
 где Тесей перед храмом
 возложил приношения мёртвым!
 Там Эвадна, супруга героя,
 убиенного пламенем неба,
 этой дочерью славен царь Ифий!
 Но зачем на скале поднебесной,
 нависающей грозно над храмом,
 эта смелая женщина встала?

ЭВАДНА

Как чисто, как дивно
 луна и солнце брезжили
 златыми колесницами,
 а нимфы быстроногие
 мрак ночной облетали!
 В честь брака <превосходного>
 пел весь город аргивский,
 счастье моё превознося!

Был и жених ими воспет,
 мой Капаней, в медь облечён!
 Бросив мой дом, мчусь я сюда,
 Вакхов огонь в сердце горит!
 Я и пламя, и склеп
 разделю с ненаглядным,
 утоплю в беспросветном Аиде
 тяжкую жизнь, вечную боль!
 Сладостна смерть, если она
 разделена с милым твоим
 по велению бога!

Хор Ты видишь ли костёр, сокровищницу Зевса,
 совсем недалеко? На том костре твой муж,
 убитый молнией, блистательно сверкнувшей!

Эв. Стою я на грани.
 Пускай судьба поможет мне!
 Стяжая славу вечную,
 я собираюсь броситься
 со скалы этой грозной
 в огонь, горящий яростно,
 чтобы сжечь моё тело,
 слиться в одно с мужем родным,
 тело моё с телом его!
 Взвейся, огонь! Свадьба, начнись!
 Нашу любовь я не предаю,
 жизнь сохранив плоти моей!
 Прямо в брачный покой
 к Персефоне пойду я!
 Пусть рождаются Аргосу дети
 в браках таких, полных любви!
 Доблестный муж, суженый мой!
 С духом твоим станет одним
 дух жены благородной!

Хор Эй, женщина! Смотри! Сюда идёт старик!
 То Ифий, твой отец! Сейчас узнает он
 такие новости, что будет плакать горько!

ИФИЙ

Ах вы, страдалицы! И я, старик, страдаю!
 Я мучаюсь вдвойне за родственников милых!
 Был сын мой, Этеокл, убит копьем кадмейским,
 хочу его домой по морю отвезти я,
 ищущую и дочь мою, сбежавшую из дома,
 которая была супругой Капанея,
 и хочет умереть, чтоб мужа не покинуть!
 Я дома под замком держал её, но ныне
 вниманием ослаб из-за несчастий наших

- и дочь не достерёг! Но я подозреваю,
что здесь она! Ведь так? Её вы не видали?
- Эв. Чего ты к ним пристал? Я тут стою, на камне!
Я над костром парю, объявшив Капанея,
и птицею, отец, пою и причитаю!
- Иф. С каким же ветром, дочь, ты так легко взлетела?
Куда ты держишь путь? Зачем ушла из дома?
- Эв. Ты ведь рассердишься, узнав, что я решила!
Я не хочу, отец, чтоб ты об этом слышал!
- Иф. Неужто ты отцу откажешь в этом праве?
- Эв. Решенью моему плохим судьёй ты будешь!
- Иф. Зачем ты облекла таким нарядом тело?
- Эв. Я платье выбрала, сверкающее славой!
- Иф. Приличное вдове? Ты так скорбишь по мужу?
- Эв. Для небывалого я нарядилась дела!
- Иф. Ты будешь так стоять у пламени, у гроба?
- Эв. Туда прибуду я в пылании победы!
- Иф. Кого ты победишь? Я очень знать желаю!
- Эв. Всех женщин, дышащих под светлым оком солнца!
- Иф. В делах Афининых? В рассудке благонравном?
- Эв. В отваге! Я умру и рядом с мужем лягу!
- Иф. О чём ты? Что за бред бессмысленный и скверный!
- Эв. Я прыгаю в костёр, на тело Капанея!
- Иф. Ах, дочь! Не говори такое при народе!
- Эв. Я именно хочу, чтоб все аргивцы знали!
- Иф. Ни в коем случае! Не смей! Я не согласен!
- Эв. Мне всё равно, отец! Меня ты не поймашь!
Смотри, я падаю! Моим паденьем счастлив
не ты, но я и муж, со мной горящий вместе!
- Хор А!
Родная, ты что? Ах, ужас какой!
- Иф. Всё, смерть моя пришла! Пропал я, аргивянки!
- Хор Э! Э!
Такое стерпев,
страдалец, ты глядишь на подвиг дерзновенный?
- Иф. Несчастнее меня вам никого не встретить!
- Хор Ах, бедный ты!
С Эдипом судьбу сейчас разделил
и сам ты, старик, и сирый мой град!
- Иф. Зачем так сделано, что человек не может
быть дважды молодым и стариться два раза?
Когда в семье у нас какие-то загвоздки,
мы думаем о них и выправляем позже,
а в жизни так нельзя. Но если бы нам юность
и старость возвратить, тогда, ошибку сделав
и новый круг начав, всё можно бы исправить.
Глядел я на дома, богатые потомством,
и стал желать детей, и сохнуть от желанья.

Но если бы я знал, какое это горе –
 став радостным отцом, детей своих лишиться,
 то я бы никогда не стал опять несчастным!
 Я был родителем героя молодого,
 и вот я одинок, и сына нет со мною!
 Пучина чёрная! И что теперь мне делать?
 Отправиться домой? На комнаты пустые
 глядеть и горевать от безысходной жизни?
 Поехать ли гостить в хоромах Капанея?
 Там было сказочно, при дочери любимой!
 Но больше нет её, мне щёку целовавшей
 губами нежными, и голову седую
 рукою гладившей! Нет ничего отрадней
 отцу, чем дочь его! У сыновей крупнее
 душа, и ей претят заботливые ласки.
 Давайте поскорей домой меня ведите
 и бросьте в темноте, чтоб с этой дряхлой плотью
 проститься навсегда, от голода зачахнув!
 Какая польза мне коснуться праха сына?
 Ах, старость цепкая! Как ты мерзка, противна!
 Я ненавижу тех, кто век свой продлевает
 едой, напитками, кто магией постыдной
 оттягивает смерть, ища лазейку к жизни!
 Им следовало бы, поняв свою никчёмность,
 освободить страну для новых поколений!

Хор А!
 Вот несут обгоревшие кости
 наших мальчиков! Слуги, держите
 тело дряхлое (нет во мне силы
 из-за горя по детям несчастным)!
 Столько лет буду жить я, страдая,
 растворяясь в слезах безутешных!
 Разве может быть горшее горе
 людям смертным,
 чем увидеть детей своих мёртвых?

ДЕТИ

Несу, несу,
 мать бедная, из пламени отцовский прах,
 груз, отягчённый тяжестью моих скорбей,
 как мало всё, что я любил – одна лишь горсть!

Хор А! А!
 Ты маме любящей несёшь,
 дитя, по мёртвым горький плач
 и праха маленькую горстку вместо тел,
 когда-то бывших громкой славою Микен!

Дети Бездетна ты!
 И я один, лишён злосчастливого отца!

- Хор Я буду в доме одиноким сиротой,
не зная рук того, кто дал мне эту жизнь!
А! А!
Где плод моих родильных мук,
где счастье родов, где мой труд,
кормленье грудью, и надзор бессонных глаз,
и благодатные сближенья наших лиц?
- Дети Нет сыновей! Нет ничего! Ах, мой отец!
Пропали все! <Хор> Они теперь на небесах,
золою ставшие в огне!
Они, крылатые, уже летят в Аид!
- <Дети> Отец, ты слышишь плач любимых сыновей?
Когда возьму я щит? Когда я отомщу
за смерть твою? <Хор> Пусть всё исполнится, дитя!
- <Дети> По воле божьей я злодеев накажу
за смерть отца! <Хор> Неужто зло ещё не спит?
Несчастный рок! Довольно слёз,
довольно стонов, раздирающих мне грудь!
- <Дети> Меня Асоп своим блистаньем наградит,
вождя бесстрашных Данаид, одетых в медь,
идущего карать врагов за смерть отца!
- <Дети> Отец, ты, кажется, передо мной стоишь!
<Хор> Целует щёку он любимую твою!
<Дети> Но поощренья слов твоих
уносит ветер далеко!
- Хор Мы оба нажили беду,
и мать, и сын! Ты вечно будешь горевать!
- <Дети> Так скорбь моя тяжка, что гибну я под ней!
<Хор> Дай прах мне! Я хочу к груди его прижать!
- Дети От этих ненавистных слов
я плачу! Я схожу с ума!
- Хор Всё, сын! Уже не посмотреть
родимой матери на милый облик твой!
- Тес. Адраст и женщины аргивского народа!
Взгляните на детей, держащих ныне прах
их доблестных отцов, у недруга изъятых!
И я, и город мой, мы дарим им тот прах!
Теперь вам следует об этом даре помнить,
благодаяние моё не забывать!
Вы поколениям растущим накажите
наш город почитать! Пусть каждый новый век
об этой милости твердит своим потомкам!
Тому свидетель Зевс и божества небес,
как мы почтили вас, в обратный путь готовя!
- Адр. Тесей, мы сознаём величье дел твоих,

ты как никто другой помог земле аргосской!
 Я благодарности состариться не дам.
 Одарены тобой, мы долг свой будем помнить!
 Тес. Чем я ещё тебе полезен быть могу?
 Адр. Цвети! И город твой, и ты достойны счастья!
 Тес. Надеемся, что да! И ты будь счастлив, друг!

АФИНА

Теперь услышь, Тесей, что скажет и Афина!
 Ты вот как поступи по моему велению.
 Ты детям не давай так просто в край аргосский
 нести отцовский прах, но за труды благие,
 которые и ты, и город твой свершили,
 ты клятву с них возьми. Пускай и поклянётся
 стоящий здесь Адраст. Он, будучи тираном,
 способен говорить за всю страну данайцев.
 Пусть обещают вам, что никогда аргосцы
 во всеоружии не выйдут с вами биться,
 а вашим недругам дадут отвесть копий.
 На город ваш напав, забыв об этой клятве,
 пускай чудовищно аргивский край погибнет!
 Услышь и мой приказ о жертвенном сосуде.
 Есть дома у тебя треножник медноногий.
 Разрушив Илион и мчась на подвиг новый,
 Геракл тебя просил треножник тот поставить
 в алтарной комнате, где Пифия пророчит.
 Ты кровью трёх овец, три горла перерезав,
 наполни тот сосуд, на выпусклости полой
 обеты начертай и вышли богу, в Дельфы,
 в напоминание, в свидетельство Элладе.
 А остроустый нож, закланье совершивший,
 ваятель смертных ран, пускай в земле слоистой
 хранится, близ могил, где семь костров пылало.
 Показанный врагам, на город ваш напавшим,
 он им дарует страх и тяжкий путь обратный.
 Всё сделав, удали покойников из царства,
 но землю, где огонь очистил убиенных,
 ты богу посвяти, на трёх путях истмийских.
 Вот речь моя тебе. Скажу сынам аргивским.
 Когда окрепнете, истмийский град разрушьте
 в отместку за отцов, там горестно погибших,
 и ты, Эгиалей, возглавивший подростком
 всю армию отца, и ты, наш этолиец
 Тидид, кому отец дал имя Диомеда!
 Как только борода покроет ваши щёки,
 вы меднокованных данайцев поведите
 на семиустую кадмейскую твердыню!
 Им будет горестно прибыть львят подросших,
 несущих городу и смерть, и разоренье!
 Иному не бывать. Вас будут «Эпигоны»

- в Элладе называть и воспевать в потомстве!
Такую армию пожалуют вам боги!
- Тес. Афина-госпожа, твоим словам я внимлю,
ведь ты прямись мой путь, когда я заблуждаюсь!
Я мужа этого свяжу словами клятвы.
Веди меня к добру! Прошу я лишь об этом.
Когда ты любишь нас, мы в мире пребываем!
- Хор Что ж, Адраст! Поклянёмся и граду,
и царю! Столько блага нам сделав,
заслужили они уваженье!

11.07–14.10.2017, Брисбен